

государя изволил умереть, вы мне гако же служите и за меня умирайте»¹. Посол смело продолжал свою речь: „Ты ли, царю, не ведаешь? Ты турцы властвуешь и во Цареграде царствуешь и многие земли тебе приклонились, а нашего великого царя государя и великого князя атаманы от моря Хвалынского и казаки терьские и донские, и волские, с твоих державных земель и областных городов со многих дани и выходы многие емлют, да еще государь царь наш им не повелел“ (9). Здесь, таким образом, в „дипломатических“ переговорах с турками о политическом режиме пограничных областей, большое внимание уделяется казачеству, причем и роль казачества в борьбе на „украинах“ и двойственная политика Москвы по отношению к нему рисуются примерно в тех же тонах, что и в повести об Азове.¹

Далее посол укоряет султана в его желании отнять Астрахань и говорит совсем уже в духе нашей повести: „И ты где свой царский ум попрали и степень свою царскую посрамил, как тако могл изрещи неподобные словеса!“ „Царь слушает. Послу велел говорить. Посол говорил: «...Неподобаает тебе, царю, во Цареграде царствовати... Подобаает ти Царьград отъдати прародителю Августа Кесаря, великому государю нашему, царю и великому князю Иванну Васильевичю всеа Русии, а тот бо от колена царска и престола римска и Цареградцка»“ (10).

Яркий колорит изображенных здесь вымышленных переговоров с турецким султаном, смелость и патриотизм русского посла, политическая острота вопроса о пограничных областях и, в связи с этим, подчеркивание военного значения казачества, наконец, в заключение, известная политическая и религиозная идея овладения Царьградом, высказанная и в Поэтической повести об Азове, — все это в значительной степени сближает содержание и общий тон этого „статейного списка“ с азовскими повестями и делает вполне понятным их соседство в рукописных сборниках.

Писатели-канцеляристы пробовали свои литературные силы и в жанре псевдо-официальной дипломатической переписки. Они сочиняли подложные грамоты, которые воспроизводили якобы подлинную переписку между враждующими монархами.²

Если в вымышленных статейных списках, согласно с подлинной формой данного типа документов, канцелярско-риторическая стихия сочеталась с элементами сюжетности, описания действий посольства, его пребывания в чужих землях, сцен придворного быта и этикета, то в подложных грамотах перед нами выражение главным образом взаимных угроз, брань и насмешки корреспондентов. Грамоты эти сочетали элементы делового языка с грубоватым просторечием, обломками книжных традиций и ча-

¹ См. подробнее в нашей статье „Поэтическая повесть об Азове по новому списку“, помещенной в т. VI наст. издания. Предлагаемая статья о жанре повести в ряде своих положений является продолжением указанной.

² А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции, М., 1869, стр. 448—458; далее цит. по этому изданию, в скобках указ. страницы.